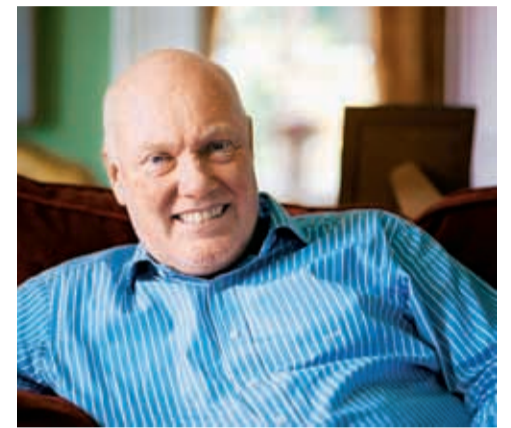

ГЛАВА HUBLOT ЖАН-КЛОД БИВЕР: Я — КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДИКТАТОР БЕСЕДОВАЛ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

ЖАН-КЛОД
БИВЕР
ПОДРЫВНОЙ
ЭЛЕМЕНТ

Мастер «Большого взрыва», автор фантастического Big Bang Жан-Клод Бивер успел поработать в главных часовых марках — Audemars-Piguet, Omega и наконец Blancpain, которую он воссоздал после долгой спячки. В 2004 году он возглавил Hublot. Уже через год он выступил с революционным концептом Big Bang. Последовал реальный взрыв на рынке: продажи подскочили в четыре раза. Конституционный диктатор Бивер находит время, чтобы разрабатывать каждый год новые варианты Big Bang, спонсировать разработки новых материалов, строить новую мануфактуру, бороться с контрафактом, делать сыр и вино на своей ферме и каждое утро с четырех до семи чатиться с клиентами на часовых сайтах.

Hublot Big Bang Gold King Power

— Ваш Big Bang — уже часовая классика. Кажется, что он существовал всегда...

— Я считаю, что это комплимент.

— Но если это классика, то что будет дальше? Потому что я видел уже черный Big Bang, белый и бриллиантовый, и такой и сякой, но все равно Big Bang. Каким он будет дальше?

— Каким он будет? Прозрачным! Прозрачным, не хотите ли. Вы видели когда-нибудь прозрачные металлические часы?

— Нет, никогда.

— Я тоже. Пока. Но мы финансируем целую кафедру новых материалов в Политехнической школе Лозанны. Швейцарцы сильны в технике и науке, а это наша самая серьезная высшая школа. Они делают для нас материалы, которые еще не существовали. Ого-го, часы, прозрачные как стекло! Там будут винты и еще что-нибудь непрозрачное — это будет похоже, знаете на что, на рентгеновский снимок.

— Будет виден механизм?

— Конечно, наш новый механизм, который мы разработали. Отличный механизм, автомат, 72 часа резерв хода. К нему можно добавить хронограф, это мы уже сделали, а потом появятся другие осложнения, GMT календари.

— Но с новым механизмом ваши часы станут еще дороже.

— Немного дороже! Примерно на 15, может на 20...

— Тысяч?

— Да нет, процентов! А еще нам обещают сплав керамики и металла, не спрашивайте меня только, как это возможно. Или, например, керамика, в которой замешаны мелкие бриллианты — только представьте себе эффект звездного неба.

— Вы верны своей философии fusion?

— Будь проклят день, когда мы отойдем от этой философии. Это будет означать нашу полную деградацию, полную никчемность! Fusion для Hublot — это единственный способ существования. Если не будет fusion, что мы предложим людям? Часы, только часы. Часов и так слишком много на рынке — вон, полный Базель.

— Помню, был в моде гастрономический fusion. Вам не приходилось никогда покидать ресторан с авангардной кухней, чтобы заказать поджаристую курочку на первом же углу?

— Да, но после того, как вас годами кормят тушеной капустой обычных часов, вам ведь захочется чего-нибудь новенького? Чего-нибудь необычного? Мы — нишевая марка, и мы не собираемся вам навязывать всю гамму изделий, мы лишь часть гаммы. Теперь о fusion. Вы знаете Лувр — огромный, громоздкий: роскошный дворец для четырех с половиной столетий художественного наследия. И вот теперь музей Лувра решил, что они не могут быть только складом для прошлого. Они хотят быть инструментом промотирования будущего! Когда я это прочел, я подскочил на месте. Мы занимаемся тем же — берем из будущего элементы, которые вводим в нашу часовую традицию. Вот что такое fusion в нашем понимании, а не только физика сплавов. Вернемся к Лувру. Когда вы видите их парадные дворы XVII века, а посреди стеклянную пирамиду Пея — вот пример fusion.

— Но это ваши личные идеи — их надо еще донести до клиентов.

— Я свои идеи доношу через часы. Я считаю, что часы Hublot представляют мои желания, мой вкус в часовом деле, и мне страшно повезло, что я могу выражать себя таким образом. Когда я работал на кого-то, на Omega например, я не мог этого делать, я шел на поводу у клиентов, потому что Omega — огромная марка, и они должны были угодить всем понемногу. Что касается Hublot, то это часы, которые я делаю как для себя или таких людей, как я. Я говорю себе: людей, как я, немало, надо их найти, это интересные и талантливые люди. Это, может, и наглость так говорить, но я говорю искренне.

— А ваша команда разделяет ваши идеи?

— У меня много достоинств и еще больше недостатков. Но главное достоинство — я умею слушать людей, я не глухой. И учиться у них. Когда я был моложе, я был уверен, что всему научен, теперь я знаю, что мне еще учиться, учиться и учиться. Итак, я слушаю, учусь и — достоинство номер три — я ищу возможности разделить идею. Из амальгамы идей я умею извлечь одну. Но вот после обсуждения я становлюсь диктатором. И пусть никто не смеет мне противоречить. Наш строй в Hublot — конституционная диктатура. А я — конституционный диктатор.

— А как к этому относятся ваши новые акционеры из империи роскоши LVMH, которая в 2008 году приобрела 20% Hublot?

— Я и в людях ставлю на fusion — на сплав людей, возрастов, компетенций. Это команда-победитель, недаром LVMH не стали ничего менять, потому что они знают, что мы команда, рожденная выигрывать.